

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2021), 176–192
© The Author(s) 2021

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2021), 176–192
© Автор(ы) 2021

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-1-71-176–192

ПАНЭЛЛИНСКИЕ ПРАЗДНЕСТВА В ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ ПОЛИСОВ (МАГНЕСИЯ НА МЕАНДРЕ)

А.Б. Шарнина

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия
ariadna@setname.com*

Аннотация. В статье рассматривается дипломатическая деятельность полисов в III в. до н.э., использующих панэллинские празднества для укрепления связей с греческими общинами. Примером служит Магнесия на Меандре, превратившая обряд в святилище Артемиды Левкофриены в общегреческий праздник с состязаниями «стефанитэс», равными Пифийским играм в Дельфах, и объявлением асии (неприкосновенности) города и хоры. Крупный архив надписей этого города позволяет проследить маршруты посольств, отправленных горожанами во все концы эллинистического мира, и реконструировать доводы послов, убеждавших полисы и союзы греческих племен признать их праздник и асию города и хоры. Анализ надписей демонстрирует, что посольства тщательно готовились. Продумывались маршруты, изучались документы и произведения поэтов и историков, чтобы составить письма с убедительной аргументацией.

Важной особенностью этой деятельности Магнесии на Меандре является то, что она осуществляется, по крайней мере, внешне, совершенно независимо от правителей. Магнеты направляют посольства к «монархам, полисам и народам», не обращая внимания на границы царств. Подобные посольства с приглашениями на праздник, и ответные посольства, соединяли невидимыми нитями эллинов, где бы они ни жили. Такое уникальное явление, свойственное греческой цивилизации с глубокой древности, как сохранение единства эллинов, несмотря на их географическую рассеянность и политическую раздробленность, в эпоху эллинизма проявилось особенно ярко при организации панэллинских праздников. А проведение наряду с атлетическими и конными также и мусических состязаний внесло свой вклад в сохранение и распространение греческой культуры во всем Средиземноморье.

Ключевые слова: эллинизм, Магнесия на Меандре, святилище Артемиды Левкофриены, амфиктионы, асия, Дельфы, панэллинские праздники, феоры.

В III–II вв. до н.э. греческие общины на всем пространстве эллинистического мира, от Испании до Ирана, на островах и на побережьях, один за другим стали

Данные об авторе: Шарнина Ариадна Борисовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Института истории и социальных наук Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

преобразовывать обряды в честь своих главных богов в праздники общегреческого значения¹. Это было новое, удивительное своей массовостью явление, которое сопровождалось повышенной дипломатической активностью полисов. Хотя в последние десятилетия возрос интерес к этим праздникам и связанной с ними асии (неприкосновенности) святилищ и полисов, однако, мирная жизнь, события и явления, объединяющие эллинов, а не разделяющие их, по-прежнему остаются в тени военных конфликтов и политических потрясений в эллинистическом мире.

В предшествующие эпохи всего четыре праздника имели общегреческий характер: самые древние – Олимпийские игры, основанные по преданию в 776 г. до н.э., однако, по мнению ряда исследователей первые значительные игры были не ранее 700–680 гг. до н.э.² Ещё три праздника были признаны всеми греками в VI в. до н.э.: Пифийские игры в 586 г. до н.э. (Paus. X. 7. 4–5) или 582 г. до н.э.³, Истмийские – в 582 г. до н.э., Немейские – в 573 г. до н.э.⁴ Больше ни один местный обряд не получил такого статуса. Например, Афинские Панафanei, несмотря на проведенную Писистратом реорганизацию с добавлением разнообразных состязаний по аналогии с Олимпийскими играми, возможно, с намерением получить признание их всеми греками, не стали общегреческим празднеством, хотя в V в. до н.э. в них участвовали жители афинских колоний и члены Афинского морского союза⁵.

И только в III в. до н.э. число общегреческих праздников стало стремительно расти⁶. В издании надписей К. Ригсби их насчитывается около 45⁷. Для эпохи эллинизма вообще характерен рост числа самых разных праздников, основанных полисами, монархами и даже частными лицами. А. Ханиотис выделил пять категорий праздников этого времени⁸. В данной статье речь идет только о полисных культах, преобразованных в праздники, равные по статусу общегреческим играм классической эпохи, с признанием асии святилища или всего полиса. Несмотря на широкое распространение таких праздников, о них почти нет упоминаний в дошедших литературных текстах. Главный источник сведений о реорганизации местных обрядов в праздники общегреческого значения – эпиграфические памятники. Среди этих многочисленных свидетельств особый интерес вызывают надписи Магнесии на Меандре.⁹ Граждане города позаботились скопировать на стене портика агоры все документы, относящиеся к реорганизации праздника в честь богини – покровительницы полиса Артемиды Левкофриены¹⁰. Из этого обширного собрания текстов сохранилось более 60 постановлений и писем. Предположи-

¹ Некоторые вопросы, о которых идет речь в данной статье, были рассмотрены в докладе на Международной научной конференции «Лістападаўскія сустрэчы – XIII» в ноябре 2019 г. в Минске. См. Шарнина 2019.

² Kyle 1996, 107.

³ Syll3 275. I. 1–7.

⁴ Sassu 2018, 63.

⁵ Parke 1977, 45.

⁶ Chaniotis 1995, 152.

⁷ Rigsby 1996; Hammerschmied 2018, 92.

⁸ Chaniotis 1995, 151.

⁹ Собрание надписей Магнесии на Меандре впервые издал О. Керн: Kern, 1900. Надписи, относящиеся к празднику Артемиды Левкофриены, были переизданы в исследовании К. Ригсби об асии: Rigsby 1996, 179–279.

¹⁰ Hammerschmied 2018, 101.

тельно, это около двух третей всех надписей. Под пятнадцатью постановлениями были перечислены названия ещё в общей сложности более ста общин, чьи письма не были вырезаны на стене. Таким образом, в совокупности магнеты разослали послов с предложением признать праздник почти к 200 общинам и монархам¹¹.

Магнесия на Меандре – небольшой город в Кари¹². Страбон пишет, что «первый город после Эфеса – это эолийская Магнесия, так называемая Магнесия на Меандре, так как она лежит вблизи этой реки... Город Магнесия расположен на равнине у горы под названием Форакс» (Strabo. XIV. I. 39, здесь и далее пер. Г.А. Стратановского).

По утверждению Страбона (XIV. I. 11) Магнесия на Меандре была колонией фессалийских магнетов и критян. В другом месте он высказывает предположение, что «магнеты, по-видимому, являются потомками дельфийцев, которые жили в Дидимских горах в Фессалии». Однако, продолжает он, «в древние времена магнетов постигла печальная участь: они были совершенно истреблены трерами, киммерийской народностью... на следующий год этой местностью овладели милетцы» (Strabo. XIV. I. 40).

Местность славилась своими плодородными землями¹³. Персидский царь Артаксеркс пожаловал Магнесию на Меандре афинскому стратегу и политическому деятелю Фемистоклу «на хлеб», очевидно, имея в виду богатые урожаи этой земли. Этот город стал последним прибежищем знаменитого афинянина. Фукидид (Thuc. I. 138. 5, здесь и далее пер. Г.А. Стратановского) писал, что в Магнесии на рыночной площади стоял надгробный памятник Фемистокла, которому царь пожаловал «Магнесию (приносившую 50 талантов дохода ежегодно) «на хлеб», Лампсак (знаменитый, как тогда считалось, своими виноградниками) – «на вино», а Миунт – «на приправу». Об этом даре персидского царя, повторяя слова Фукидида, также писали Страбон (Strabo. XIV. I. 10) и Плутарх (Plut. Them. 29). По сообщению Афиня Фемистокл был стефанофором (архонтом-эпонимом) в Магнесии и установил жертвоприношение Афине, назвав празднество Панафинеи, а Дионису праздник хоев (Athen. XII. 45. 533e). Страбон (Strabo. XIV. I. 10) ссылается на предание, что «жена Фемистокла (другие говорят – дочь) была жрицей в местном святилище Диндимены, Матери богов». Плутарх (Plut. Them. 30, пер. С.И. Соболевского) утверждал, что Фемистокл и основал это святилище. Он, выполняя волю Матери богов, явившейся ему во сне, «соорудил в Магнесии храм Диндимены и сделал в нём жрицей свою дочь Мнесиптолему». Он также, как Фукидид, пишет о том, что на площади в Магнесии находилась «великолепная гробница Фемистокла» (Plut. Them. 32).

Однако Страбон говорит, что в его время «святилища уже не было, так как город был перенесен в другое место. В современном городе есть святилище Артемиды Левкофриены, которое уступает эфесскому по величине храма (τοῦ ναοῦ) и по числу посвященных даров, но далеко превосходит его в смысле гармонии и искусного устройства священной ограды (τοῦ τεύχους). По величине его священная ограда больше всех оград азиатских храмов, кроме эфесского и дидимского» (Strabo. XIV. I. 40).

¹¹ Rigsby 1996, 179; Ceccarelli 2018, 151; Chaniotis 1999, 54.

¹² О Магнесии на Меандре в архаическое время см. Лаптева 2009, passim.

¹³ Лаптева 2009, 139.

Артемиды Левкофриена была богиней-покровительницей полиса, его «вла-дычицей» (ἀρχηγέτις) – так её называли сами магнеты¹⁴ и в ответных посланиях монархи и полисы¹⁵, и благотельницей (εὐεργέτις)¹⁶. Ксенофонт писал о Левкофрии и находящемся там очень почитаемом святилище Артемиды и озере с постоянно текущей и годной для питья теплой водой (Xen. Hell. II. 19). Культ Артемиды здесь, очевидно, был связан с этим теплым источником¹⁷.

По сообщению Витрувия храм – «псевдодиптер» – построил Гермоген Алабандский (Vit. III. 2, 6), работавший в конце III в. до н.э. который, как утверждал Витрувий, своими работами оказал большое влияние на потомков. Соразмерная расстановка колонн, придуманная Гермогеном, имела целью среди прочего, чтобы «толпа, в случае если сильный дождь застанет и отрежет её в храме, имела широкое место для свободного движения и ожидания» (Vit. III. 3, 9, пер. Н.Ф. Дерата-ни). Можно предположить, что большие размеры священной территории¹⁸ также объяснялись общегреческим характером празднества Артемиды Левкофриены, для участия в котором собирались греки со всех концов эллинского мира.

В одной из надписей¹⁹, размещенных на стене портика агоры, излагается «священная история» этого праздника²⁰. Надпись была, вероятно, своего рода предисловием к собранию постановлений общин и монархов о признании асиили города и праздника.

Начало текста плохо сохранилось. После первых двух строк, с трудом поддающихся толкованию, следует фраза, что бог (очевидно, Аполлон) сказал, что он сам будет источником (αἴτιος) такой почести им, если они установят все прежде предсказанные (προεἰρημένους) агоны и законы, благодаря которым будут сохранять город священным (ἱεράν)²¹. Возможно, имеются в виду прежде полученные оракулы Аполлона, в которых бог повелел объявить город священным. Когда после брата явилась жителям и Артемиде Левкофриена, жрица или вопрошатели (текст здесь испорчен)²² снова обратились к богу и получили ответ, что для почитающих Аполлона Пифийского и Артемиду Левкофриену более желанное и лучшее (λῶιον εἶμεν καὶ ἄμεινον), чтобы город магнетов и хора были священными и неприкосновенными (ἱερὸν καὶ ἄσυλον)²³. Если в прежних оракулах Аполлон говорит только о священном городе, то здесь уже добавляется ἄσυλον – «неприкосновенный». Эта двойная формула не случайна. Прилагательное ἄσυλος буквально значит «безопасный от грабежа и насилия», то есть тот, кого нельзя грабить,

¹⁴ Rigsby 66. 22. Здесь и далее указываются номера надписей и номера строк по изданию Rigsby 1996.

¹⁵ Rigsby 69, 7–8; 91, 6; 96, 19; 100, 18; 101, 11; 103, 8, 105, 12

¹⁶ Rigsby 81, 19, 23; 88, 36; 95, 13; 101, 16; 102, 7.

¹⁷ О культе Артемиды Левкофриены написано много работ. Обзор см., напр., Hammerschmied 2018, 106–108.

¹⁸ О храме, святилище и строительной программе, в связи с этим праздником см. Hammerschmied 2018, 96–105.

¹⁹ Эта надпись неоднократно переиздавалась, и соответственно пересматривалось чтение спорных мест. См., например, IMagn. 16; Syll3 557; Ebert 1982, 185–190; Slater, Summa 2006, 275–299.

²⁰ Rigsby 66.

²¹ Rigsby 66, 3–4.

²² Издатели предлагали разные варианты чтения: ср., например, Syll3 557, 6 n. 5; Summa 2006, 277.

²³ Rigsby 66, 6–8.

например, разбойникам или пиратам. Этот статус мог быть не связан напрямую с религиозными обычаями, а являлся проявлением доброй воли какого-нибудь гражданина или результатом взаимных договорённостей общин²⁴. Слово *ἱερὸν* в данном выражении придавало сакральное значение запрету грабить или выдавать просящих о спасении. Теперь любые грабежи и нападения на город, и его окрестности, любое насилие будут святотатством. Но асилию в отличие от неприкосновенности жрецов, святилищ и других святынь, соблюдаемой по обычаю, должны были признать официально другие общины.

Ссылаясь на оракул Аполлона и явление богини, магнеты обратились к полисам и монархам. В надписи утверждается, что «цари, и остальные все эллины, по народам и городам (*κατὰ ἔθνη καὶ πόλεις*)», к которым они направили послов, решили почитать Артемиду Левкофриену и признать полис и хору магнетов священной и неприкосновенной²⁵. Это означало, что не только святилище, но и весь город с прилегающей к нему сельской территорией объявлялся местом, где запрещалось насилие, убежищем, дающим защиту любому человеку, кто бы он ни был, торговец или путешественник, изгнанник, беглый раб или даже преступник. Наряду с просьбой к греческим общинам и царям признать полис и хору священными и неприкосновенными магнеты приглашали их участвовать в празднестве с состязаниями, равными Пифийским играм в Дельфах, и награждением победителей венками (*[ἰ]σοπύφιον στέφανον*)²⁶. Почти во всех ответных постановлениях говорится об этом агоне (*ἀγὼν στεφανίτης ἰσοπύθιος*)²⁷. Праздник должен был проводиться каждые четыре года: *πενταετηρίς*²⁸ или *διὰ πέντε ἔτην* (*ἑτέων*)²⁹.

В надписи точно датируется, когда были эпифания богини и получение оракула. Перечисляются стефанофор города Зенодот и архонт в Афинах этого года Фрасифонт, указываются победители на Пифийских играх в предыдущий год, на Олимпийских играх в последний год сто сороковой олимпиады³⁰, на основе этих данных легко устанавливается дата 221 г. до н.э.³¹. Строки, следующие после этой датировки, которые в ряде изданий надписи читают как *πρῶτ[ον στεφανί]την ἀγῶνα θεῖναι τῷ κατοικοῦντων τὴν Ἀσίαν*³², некоторые исследователи понимают так, что после получения оракула граждане Магнезии на Меандре пытались учредить агон, общий для эллинов, живущих в Азии, но получили отказ³³. П. Тоунманн предложил другое чтение текста: *πρῶτ[οι στεφανί]την ἀγῶνα θεῖναι*, из которого следует, что не было никакой попытки установить агон для эллинов Азии, а магнеты начинают «священную историю» праздника с утверждения, что они первыми из эллинов, живущих в Азии, «приняли решение установить агон стефанитес» в исполнение оракула бога и чтобы почтить Артемиду Левкофрие-

²⁴ Rigsby 1996, 4–5; Глускина 1977, 82; Шарнина 2017, 77–78.

²⁵ Rigsby 66, 31–34.

²⁶ Rigsby 66, 30.

²⁷ См., например, Rigsby 68, 9–10; 71, 14–15; 84, 11–12, 20; 86, 20; 95, 15–16; 96, 21; 97, 21; 101, 14; 105, 14–15.

²⁸ Rigsby 69, 15–16; 81, 8; 94, 7. Число 5 объясняется тем, что греки считали оба: год, от которого ведется отсчет, и год следующего праздника.

²⁹ Rigsby, 81, 20; 95, 14; 100, 19; 101, 12; 102, 8; 105, 13; 106, 4–5.

³⁰ Rigsby 66, 10–16.

³¹ IMagn. 16, P. 13; Rigsby 1996, 180.

³² IMagn. 16, 16; Syll3 557, 16.

³³ Cp. Syll3 557, 24, n.12; Rigsby 1996, 180; Sumi 2004, 79–80.

ну³⁴. Ряд исследователей предлагают чтение не στεφανίτην, а ἀργυρίτην³⁵ и считают, что сначала магнеты хотели установить агон с денежными наградами для живущих в Азии, но, получив оракул, они решили, что, «благочестиво относясь к божественному, они будут чтить Артемиду, если принесут на священный алтарь дары, угодные владычице»³⁶. Такое толкование объясняет следующую фразу о том, что это была уже распространённая практика, когда «остальные состязания (τῶν ἄλλων ἀγῶνων), прежде установленные за деньги (ἐπ' ἀργ[ύρῳ]...) впоследствии становились из-за оракулов (состязаниями) за венки (στεφαν[ιτῶν]»³⁷. Однако У. Слейтер и Д. Сумма предлагают вернуться к чтению στεφανίτην ἀγῶνα³⁸. По их мнению, ничего не говорит о том, что магнеты решили в 221 г. до н.э. установить состязание с денежными наградами в результате получения оракула. Такие состязания не нуждались в одобрении других полисов, поэтому не могли быть отвергнуты ими. Магнеты, видимо, не достигли успеха, обратившись к эллинам Азии с сообщением об оракуле и приглашением почтить богиню, покровительницу их города, дарами и поучаствовать в преобразовании праздника с денежными наградами в агон стефанитес (с венками)³⁹. У. Слейтер и Д. Сумма, как и другие, исходят из предположения, что первая попытка установить агон стефанитес не удалась. Но было ли вообще это дипломатическое фиаско? Ведь прямо в надписи об этом не говорится. Можно согласиться с П. Тоунманном, что странно было бы в торжественном тексте, предваряющем вырезанные на стенах постановления полисов, союзов и монархов о признании праздника, вспоминать о неудаче первой попытки его учредить⁴⁰.

Тем не менее, остается вопрос, почему магнеты установили агон с венками, равный пифийскому ([i]σολύφιον στέφανον) «в четырнадцатый год после Зенодота» (т.е. после 221 г. до н.э.), в год стефанофора Мойрагора, в 207 г. до н.э.⁴¹ Причины такого большого перерыва в надписи не разъясняются. Есть только не очень понятная фраза, пропущенные буквы в которой дополняют по-разному. Большинство ученых сейчас принято чтение: ὥς δὲ ἐπιβ[α]λόμενοι παρη[λκ]ύσθησα[ν]⁴², раньше читали: παρη[κο]ύσθησα[ν]⁴³. Соответственно, можно заключить, что люди, вероятно, занимавшиеся делами, связанными с введением панэллинского праздника, либо были отвлечены (чем-то), либо – второй вариант – их почему-то не послушали. В любом случае, ни то ни другое чтение не проясняет, что отвлекло организаторов на длительное время от порученного им дела – подготовки к проведению праздника.

Возможно, это промедление объясняется помимо каких-то внешнеполитических событий и внутренних проблем строительством Гермогеном нового храма, освящение которого могло быть приурочено к первым играм общегреческого

³⁴ Thonemann 2007, 155.

³⁵ Ebert 1982, 188–189; Rigsby. 66, 16–17.

³⁶ Rigsby 66, 21–22.

³⁷ Rigsby 66, 23–24.

³⁸ Slater, Summa 2006, 284–285.

³⁹ Slater, Summa 2006, 283–284.

⁴⁰ Thonemann 2007, 153–154.

⁴¹ Rigsby 66, 25–26.

⁴² Rigsby 66, 25; Slater, Summa 2006, 291.

⁴³ IMagn.16, 25; Syll3 557, 25.

значения⁴⁴. Однако можно предположить, что наряду со всеми этими причинами много времени у граждан ушло на дипломатическую подготовку. Косвенным подтверждением этого может быть постановление Этолийского союза, датированное 221 или 217 г. до н.э.⁴⁵. То, что магнеты начали с Этолийского союза, вполне объяснимо. Тогда селения и города Средиземноморья страдали от набегов этолийских пиратов, к тому же этолийцы в III в. до н.э. контролировали Дельфы и Пилейско-Дельфийскую амфикионию⁴⁶. В постановлении Этолийского союза не упоминаются оракулы Аполлона, явление Артемиды, праздник богини. Скорее всего, это не было «священное посольство», и послы здесь не называются феоорами, как обычно называли послов, приглашавших на праздники. В надписи говорится, что послы (πρεσβευτάν) магнетов возобновили (ἀνενεώσαντο) дружбу (τάν τε οἰκεότατα) с народом этолийцев и показали благорасположение (εὖνοίαν) к Этолийскому союзу⁴⁷. Это договор об установлении дружбы между Этолийским союзом и Магнесией на Меандре. Однако в своем решении этолийцы используют формулу из текста оракула, данного магнетам: признать город и хору магнетов священной и неприкосновенной (ἱερὸν καὶ ἄσυλον)⁴⁸. Это говорит о том, что посольство магнетов к этолийцам было частью начавшейся дипломатической деятельности города с целью добиться признания своей асии и праздника в греческом мире. Решение этолийцев подкрепляется перечислением конкретных мер для его исполнения: «не позволено никому из этолийцев или живущих в Этолии захватывать людей с территории магнетов ни на суше, ни на море», а у тех, кто это все-таки совершит, следует конфисковать «видимое имущество» (τὰ ἐμφανέα), а на «невидимое имущество» (τῶν ἀφανέων) наложить штраф. Собранные таким образом средства следует передать жертве⁴⁹. Очевидно, что в данном случае речь идет о запрете набегов этолийских пиратов на земли Магнесии на Меандре. Но это также единственное известное постановление, в котором перечисляются наказания за нарушение асии. Кроме того, этолийцы дали магнетам голос в Дельфийско-Пилейской Амфикионии (ψᾶφον ἱερομναστικάν)⁵⁰. Получив место в совете амфикионов Дельфийского святилища, добившись гарантий безопасности для прибывающих гостей от Этолийского союза, можно было уже обращаться к другим полисам и союзам.

Много времени также требовали подготовка посольств: планирование маршрутов, составление писем и поиски информации, чтобы привести убедительные аргументы каждому полису.

Текст письма магнетов к городам, общинам и монархам не сохранился. Но он частично воспроизводится в ответных постановлениях⁵¹. Очевидно, магнеты, используя общий текст как основу, вносили добавления, какие-то детали, связанные

⁴⁴ Syll3 557, 5, n. 4.

⁴⁵ Rigsby 67. Этой надписи нет среди собрания документов в Магнесии на Меандре. Её копии найдены в Терме в Этолии и в Дельфах. О проблемах датировки надписи писал К. Ригсби 1996, 191–192.

⁴⁶ Flacelière 1937; Nachtergaele 1977.

⁴⁷ Rigsby 67, 6–8.

⁴⁸ Rigsby 67, 10.

⁴⁹ Rigsby 67, 12–20.

⁵⁰ Rigsby 67, 21.

⁵¹ Ceccarelli 2018, 153.

с конкретным городом. Эти постановления, прежде всего, показывают, какой широкий размах имела дипломатическая деятельность граждан Магнесии на Меандре. Они разослали священных послов – феоров⁵² группами в основном по три человека⁵³ во все концы греческого мира, к монархам, полисам и союзам эллинов или народам (κατὰ ἔθνη). Всего было отправлено около 20 посольств в направлениях от Сицилии на Западе до Ирана на Востоке⁵⁴.

Группы феоров обходили по несколько полисов и земель. Например, три феора, Аполлофан, сын Эсхила, Эвбул, сын Анаксагора и Ликомед, сын Харисия, вероятно, начали своё путешествие с Эвбеи, посетили там Халкиду⁵⁵ и Эретрию⁵⁶, побывали в Афинах⁵⁷, а оттуда направились в Беотию к Беотийскому союзу⁵⁸, затем к союзу фокейцев (κοινόν)⁵⁹. Два брата Сосикл и Аристодем, сыновья Диокла и Диотим сын Мэнофила посетили город Саме на Кефаллении⁶⁰, Итаку⁶¹, Коркиру⁶², Эпидамн⁶³. Под постановлением Саме были перечислены и другие города Кефаллении. Не очень понятно, побывали там послы или города просто присоединились к решению самийцев. Тот же Аристодем, но с другими спутниками передал постановление магнетов акарнана⁶⁴ и эфиротам⁶⁵. Сосикл, сын Диокла потом был гиеромнемоном от Магнесии на Меандре в Дельфийско-Пилейской амфикифии и в 194 г. до н.э. удостоился почетного декрета от дельфийцев, амфикифионов, союза этолийцев и их стратега за прекрасное проведение Пифийских игр в Дельфах⁶⁶.

Ещё одна группа, в которую также входили, видимо, два брата Филиск и Лапет, сыновья Пифагора и Конон, сын Диотима, обошли несколько аркадских городов, но власти Магнесии решили вырезать на стене только постановление Мегалополя⁶⁷, а под ним перечислили остальные города⁶⁸. Эти же послы посетили Аргос⁶⁹, Сикион⁷⁰ и Мессену⁷¹. Один из членов посольства, Филиск отправился к Ахейской Лиге⁷², другой – Лапет – в Коринф⁷³. Однако, возможно, что они оба были в Коринфе, так как собрания Ахейского союза (σύνδοσις) иногда проходили в

⁵² Одним из первых составил список феоров Магнесии на Меандре по группам и маршрутам П. Бош: Boesch 1908, 31–33.

⁵³ Например, по три феора отправились в Клазомены (Rigsby 102), Траллы (Rigsby 129) и др.

⁵⁴ Wiemer 2009, 86; Sumi 2004, 80.

⁵⁵ Rigsby 97.

⁵⁶ Rigsby 98.

⁵⁷ Rigsby 87.

⁵⁸ Rigsby 73.

⁵⁹ Rigsby 84.

⁶⁰ Rigsby 85.

⁶¹ Rigsby 86.

⁶² Rigsby 94.

⁶³ Rigsby 96.

⁶⁴ Rigsby 81.

⁶⁵ Rigsby 82.

⁶⁶ Syll3 598.

⁶⁷ Rigsby 88.

⁶⁸ Rigsby 1996, 219.

⁶⁹ Rigsby 90.

⁷⁰ Rigsby 91.

⁷¹ Rigsby 93.

⁷² Rigsby 89.

⁷³ Rigsby 92.

этом городе⁷⁴. Лапет выступал в народном собрании Коринфа, а Филиск в собрании союза. На острова Кос⁷⁵ и Родос⁷⁶ отправились Лампон, Диагор и Пифодем. Лампон, вероятно, перед отплытием посетил карийский город Книд⁷⁷. Другая группа послов: Молосс, сын Каллифона, Деметрий, сын Амфистрата и Калликрат, сын Ификрата побывали на островах Делос⁷⁸ и Парос⁷⁹.

Отдельное посольство отправилось к союзу технитов Диониса в Теосе⁸⁰. Союзы технитов (мастеров) или артистов Диониса – объединения поэтов, музыкантов, актеров, которые выступали на праздниках полисов: писали для них гимны, пьесы и сами их исполняли во время торжественных процессий и на сценических агонах⁸¹. Союз технитов Диониса в Теосе обладал большим политическим влиянием в этом городе. Посольство магнетов к нему помимо просьбы о признании асии полиса и хоры, очевидно, имело и особую цель – пригласить артистов участвовать в организации и проведении праздника. Техниты говорят о совместном проведении процессии (συνπλομεύοντες) и агон (συντελοῦντες τοὺς ἀγῶνας)⁸².

Большое значение для магнетов имела позиция царей, которые могли не только сами признать асию города и хоры, и праздник, но и приказать это сделать подвластным им городам и общинам. Особенно важна для Магнесии на Меандре была позиция селевкидского царя, в состав державы которого в это время она входила. Послы магнетов нашли Антиоха III Великого, видимо, только в 205 г. до н.э. в Антиохии Персидской (συνμεῖξαντες ἐν Ἀντιοχείᾳ τῆς Περσίδος)⁸³. Три феора, посланные к нему, также обратились к народу Антиохии Персидской⁸⁴. Антиох III в благодарность магнетам за то, что они во всех случаях показывали благорасположение к царю и к государственным делам, сообщил им, что принимает установленные ими почести богине и, что написал тем, кому поручено руководить делами, чтобы и города приняли соответствующее решение⁸⁵. В свою очередь народное собрание Антиохии Персидской, перечислив благодеяния магнетов, оказанные царю Антиоху и антиохийцам, принимает решение также участвовать в жертвоприношении богине во спасение царя и обоих городов⁸⁶. После фразы: «таким же образом решили» перечисляются несколько селевкидских городов. Среди них Селевкия на Тигре, Селевкия у Эритрейского (Красного) моря, Апамея, вероятно, в Троаде, Антиохия, Александрия (у этих городов стерты названия местностей) и др.⁸⁷ Возможно, эти города приняли решение участвовать в празднике магнетов в ответ на просьбу царя. К решению Антиоха III присоединился его старший сын и соправитель Антиох (ум. в 193 г. до н.э.), который написал магнетам, что

⁷⁴ Сизов 1989, 50. Хотя синоды до 188 г. в основном созывались в Эгии: Сизов 1989, 55.

⁷⁵ Rigsby 106.

⁷⁶ Rigsby 104.

⁷⁷ Rigsby 105.

⁷⁸ Rigsby 99.

⁷⁹ Rigsby 100.

⁸⁰ Rigsby 103.

⁸¹ Шарнина 2002, 217–317.

⁸² Rigsby 103, 20–21.

⁸³ Rigsby 69, 9 – 10.

⁸⁴ Rigsby 126.

⁸⁵ Rigsby 69, 16–28.

⁸⁶ Rigsby 111, 49–51, 55, 66.

⁸⁷ Rigsby 111, 100–110.

он, как и отец, принимает установленные ими почести богине⁸⁸. Интересно, что, судя по всему, феоры не имели особых проблем, посещая селевкидские города до того, как встретились с Антиохом. Посольства стали рассылаться в 207 г. до н.э. и ко времени этой встречи в 205 г. до н.э., скорее всего, они уже обошли многие города. В частности, об этом косвенно может говорить обоснование антиохийцами своего решения в том числе и тем, что многие города уже приняли предложение магнетов⁸⁹. При этом они не ссылаются на просьбу Антиоха.

Но магнеты не ограничились только селевкидским царем. По два феора отправились к Атталу I⁹⁰ и Птолемею IV⁹¹. Аттал I написал магнетам, что видя, что народ помнит о его благодеяниях ему и о его (Аттала) приверженности Музам, он принимает агон, о чем просили их послы, и то же самое сделают «города, мной убежденные, так как я им написал, призвав (это сделать)»⁹². Очевидно, послы посетили и македонского царя Филиппа V, хотя его письмо не сохранилось. Однако в постановлении жителей Халкиды говорится о том, что царь Филипп прислал письмо совету и народу о магнетах, в котором сообщает, что он сам откликнулся на их просьбу, и граждане поступят прекрасно, приняв послов магнетов⁹³. Таким образом, магнеты отправили посольства ко всем влиятельным эллинистическим монархам, независимо от того, в каких отношениях эти монархи были между собой.

Создается впечатление, что Магнесия на Меандре приняла решение о реорганизации праздника самостоятельно. Магнеты обходят молчанием, было ли предварительное согласование с Антиохом III реорганизации праздника и решения разослать посольства. В своих письмах полисам они не ссылались на разрешение селевкидского монарха. Сам Антиох III принимает агон в ответ на просьбу послов, как и другие полисы и позже многих из них. Только в отличие от полисов он обещает содействие в получении одобрения подчиненных ему городов. Но такую поддержку оказали магнетам и другие монархи. Дж. Сами предполагает, что независимый тон надписей объясняется традиционной греческой автономией⁹⁴.

Послы брали с собой не только письма от совета и народа Магнесии на Меандре с просьбой о признании неприкосновенности полиса и хоры и общегреческого характера праздника Артемиды Левкофриены, но и различные документы, рассказывающие об истории города и культа, о роли города в межэллинских отношениях на протяжении веков. Видимо, проводилась тщательная подготовка: изучались старинные документы, произведения поэтов и писателей⁹⁵. Всё копировалось и раздавалось послам. Об этом прямо говорится в надписи из Эпидамна. Народ Эпидамна хвалит феоров Магнесии на Меандре за то, что они рассказали о благодеяниях магнетов эллинам, приводя «и оракулы бога, и поэтов, и историков, которые рассказали о деяниях магнетов» (διὰ τε τῶν τοῦ θεοῦ χρησµῶν καὶ διὰ τῶν π]οιητᾶν καὶ διὰ τῶν ἱστορ[ι]γράφων)⁹⁶. Послы также представили постановления

⁸⁸ Rigsby 70, 18–22.

⁸⁹ Rigsby 111, 49–51, 55, 66.

⁹⁰ Rigsby 68.

⁹¹ Rigsby 71.

⁹² Rigsby 68, 19–20.

⁹³ Rigsby 97, 1–7.

⁹⁴ Sumi 2004, 81.

⁹⁵ Chaniotis 1999, 60.

⁹⁶ Rigsby 96, 14–15.

от городов, в которых были записаны почести и венки во славу города⁹⁷. В постановлении жителей Итаки, к которым обратились эти же послы, также говорится об оракуле, поэтах и «прекрасных и восхваляющих постановлениях» (τῶν ψαφισμάτων) городов, которые были у послов (τῶν ὑπαρχόντων αὐτοῖς)⁹⁸.

В своих посланиях царям, народам и полисам (κατὰ ἔθνη καὶ πόλεις) магнеты кроме рассказа об эпифании богини и оракуле приводили и другие обоснования своего обращения к ним. Они напоминали о благодеяниях, оказанных их предками конкретным городам и общинам. Граждане Мегалополя говорят, что когда-то магнеты приняли благосклонно их послов и дали на строительство стены 300 дариков⁹⁹. Видимо, речь идет о времени основания Мегалополя в 369 г. до н.э. Эпидамняне обращают внимание на то, что магнеты оказали большую услугу союзу критян, когда они выступили посредниками в споре критских городов, «окончив войну между соплеменниками»¹⁰⁰. Скорее всего, имеется в виду война между Гортиной и Кноссом в 220–219 гг. до н.э. К этой войне предположительно относится постановление Гортины¹⁰¹. Из-за того, что текст во многих местах надписи испорчен, многое остается непонятным в этом конфликте. Но сохранились строки, в которых сообщается, что гортинцы приняли решение об окончании конфликта через (посредничество) послов магнетов¹⁰². Не очень понятно, почему именно жителей Эпидамна так волновала война на относительно далеком от них острове. Очевидно, этому арбитражу придавали особое значение граждане Магнесии на Меандре и включали его в свои письма эллинам.

В ответе жителей Итаки говорится, что послы рассказали об эпифании Артемиды и о благодеяниях их предков эллинам и святилищу в Дельфах (ἀπελογίζαντο τὰν τε τᾶς Ἀρτέμιδος ἐπιφάνειαν καὶ τὰς γεγενημένας ὑπὸ τῶν προγόνων αὐτῶν ἐν τοῖς Ἑλλήνας εὐεργεσίας καὶ ἐν τὸν ἱερὸν τὸ ἐν Δελφοῖς)¹⁰³. Граждане Эпидамна, воспроизводят те же самые слова о помощи предков магнетов Дельфам в отражении нападения галатов, добавив, что предки победили в сражении варваров, которые выступили в поход с целью похитить имущество бога¹⁰⁴. О благодеянии предков магнетов, оказанном святилищу в Дельфах и эллинам говорят и жители Аполлонии¹⁰⁵. Речь в этих письмах идет о нападении галатов на Дельфы в 279/8 г. до н.э. Объединенными силами греков они были отбиты и святилище спасено от разграбления¹⁰⁶. Очевидно, этот повторяющийся почти дословно в разных постановлениях рассказ был в тексте магнетов.

Жители Антиохии в Персиде с благодарностью вспомнили, что когда-то магнеты отозвались на просьбу Антиоха Сотера увеличить численность города, названного в честь царя, и прислали достаточно много доблестных мужей на поселение (περὶ ἀποικίας)¹⁰⁷.

⁹⁷ Rigsby 96, 16–17.

⁹⁸ Rigsby 86, 10–11.

⁹⁹ Rigsby 88, 26–28.

¹⁰⁰ Rigsby 96, 11.

¹⁰¹ IMagn. 65.

¹⁰² IMagn. 65, 21–24.

¹⁰³ Rigsby 86, 7–10.

¹⁰⁴ Rigsby 96, 9–10.

¹⁰⁵ Rigsby 95, 21–23.

¹⁰⁶ Подробнее об этом нашествии: Flacelière 1937; Nachtergaele 1977.

¹⁰⁷ Rigsby 111, 14–20.

Мысль о заслугах перед эллинами и проглядывающая за этим идея единства эллинов проходит красной нитью почти через все постановления городов и народов, которые, вероятно, цитируют текст магнетов.

Граждане Итаки говорят о благочестии магнетов и добропорядочности по отношению к эллинам (πρὸς τοὺς Ἑλλήνας καλοκαγαθίαи)¹⁰⁸. Они же, а также бейотийцы, жители фессалийского города Гонны, эпидамняне, фокидяне, самийцы, аполлониаты и др. вспоминают об услугах (εὐεργεσία), которые оказали предки магнетов эллинам¹⁰⁹. Благодарения магнетов эллинам называются также словом εὐχρηστία – польза¹¹⁰. Антиохийцы говорят, что послы магнетов, «возобновив родство и дружбу», обосновывали (свою просьбу) в том числе и тем, что принесли пользу (χρεία) многим из эллинских городов¹¹¹.

Прямо о единстве эллинов и их родстве говорят повторяющиеся почти во всех постановлениях полисов слова, что магнеты им близкие и друзья: οἰκεῖοι καὶ φίλοι¹¹², и сородичи: συγγένεια, συγγενεῖς¹¹³.

Македонский царь Филипп советует халкидцам принять послов магнетов в том числе и потому, что магнеты родственники македонян (συγγενεῖς)¹¹⁴.

Для подтверждения этого родства используются и мифические предания. Жители Саме на Кефаллии говорят о близости (οἰκειότατος) с магнетами из-за родства (συγγένειαν) Магнета и Кефала, сына Деиона¹¹⁵. По преданию Кефал, сын Деиона, изгнанный из Афин из-за убийства своей жены Прокриды, участвовал в походе Амфитриона против телебоев и получил остров Кефаллию, названный его именем (Paus. I. 37. 6). Скорее всего, это утверждение о родстве Кефала с мифическим Магнетом было подсказано самийцам послами Магнесии на Меандре.

Магнеты акцентировали внимание на дружбе и своем родстве с эллинами, в том числе и потому, что добивались признания общеэллинского статуса праздника, равного Пифийским играм в Дельфах. Как и на подобных праздниках в других полисах он состоит из трех видов состязаний: ὁ ἀγὼν στεφανίτης ἰσολύθιος ὁ τε μουσικὸς καὶ γυμνικὸς καὶ ἱππικὸς – агон мусический, гимнастический (атлетический) и конный¹¹⁶. Все полисы, союзы и монархии принимают игры. В постановлениях Мегалополя¹¹⁷, Мессены¹¹⁸, Коринфа¹¹⁹, Митилены¹²⁰, Антиохии Персидской¹²¹ и др. говорится также о принятии екехейрии – священного перемирия на время праздника.

По мнению Дж. Сами, расширение местного праздника можно объяснить тем, что полисы в III в. до н.э. старались связать свою местную историю с общим про-

¹⁰⁸ Rigsby 86, 16.

¹⁰⁹ Rigsby 86, 9; 73, 9; 83, 10; 84, 10; 85, 21; 95, 21–22; 96, 13.

¹¹⁰ Rigsby 82, 16; 88, 15; 103, 12.

¹¹¹ Rigsby 111, 34–36.

¹¹² Rigsby 81, 24; 85, 13; 86, 3; 87, 7, 14 и др.

¹¹³ Rigsby 85, 14; 88, 21, 30–31; 101, 24; 111, 34–35.

¹¹⁴ Rigsby 97, 3.

¹¹⁵ Rigsby 85, 13–14.

¹¹⁶ Rigsby 81, 21–22; 82, 8–9; 83, 13–14; 87, 9; 93, 18–19; 96, 21; 103, 7; 105, 14–16; 106, 8–9; 111, 57–58; 129, 6.

¹¹⁷ Rigsby 88, 15, 33, 40, 48.

¹¹⁸ Rigsby 93, 27, 31.

¹¹⁹ Rigsby 92, 11.

¹²⁰ Rigsby 101, 13, 18–19.

¹²¹ Rigsby 111, 27.

шлым греков, или хотя бы с событиями, которые происходили у соседей¹²². Но каковы причины, которые вызвали само это стремление полисов установить или подтвердить родство со всеми эллинами, в том числе, используя обряды в честь своих богов?

Учеными предлагаются разные объяснения. Активная дипломатическая деятельность Магнесии на Меандре, как и других полисов в III в. до н.э., направленная на признание асилии города и хоры и общегреческого статуса своего праздника, по распространенному мнению, могла быть вызвана стремлением обеспечить себе гарантии нейтралитета во время многочисленных войн этого времени¹²³, или ради защиты от насилия и набегов в мирное время¹²⁴. Кроме того, греческие общины, стремясь сплотиться на основе реальных или мифических родственных связей, тем самым могли противопоставлять себя «варварскому» окружению. Например, по мнению итальянского историка Р. Санмартано, таким «варваром» для некоторых общин в это время был Рим. В частности, Сиракузы, незадолго до этого захваченные римлянами, с готовностью приняли приглашение магнетов, чтобы вновь войти в религиозную панэллинскую жизнь, и так утвердить свою идентичность, культурную и этническую¹²⁵. Безусловно, все эти причины в той или иной степени играли определенную роль в решении полисов о реорганизации своих обрядов в общегреческие празднества.

Однако, на наш взгляд, не стоит все сводить только к военным конфликтам и противостоянию с соседями. Может быть, большее значение имели процессы, происходившие в общественной жизни полисов. В эллинистическую эпоху выросло вообще число праздников самого разного типа¹²⁶, в том числе не связанных с асилией. Кроме того, в начале III в. до н.э. вдруг оказалось, что можно нарушить неписаную традицию и объявить местный праздник общегреческим. Появилась своего рода «мода» на такие торжественные собрания (*πανήγυρις*) эллинов, повышавшие значение полиса, как в его собственных глазах, так и среди эллинов. Вероятно, ожидание большого потока гостей на праздник Артемиды Левкофриены подтолкнуло граждан Магнесии на Меандре расширить святилище и построить новый храм богине – покровительнице города, один из самых больших в то время, который должен был поднять престиж города среди эллинов. К тому же эти праздники превращались в большие ярмарки и приносили немалые доходы городу.

Разумеется, представители полисов, принявших приглашение, не обязательно всегда приезжали на праздник, но это не значит, что не стоит считать эти праздники общегреческими, как, например, предполагают У. Слайтер и Д. Сумма, по мнению которых нельзя с уверенностью сказать, что не только на эти праздники, но даже на Олимпийские и Пифийские игры, много городов посылали своих феофов¹²⁷. Количество участников праздника, конечно, зависело от конкретных обстоятельств, военных конфликтов, и от популярности города, но можно предположить, что какое-то число гостей на празднике всегда было. Во многих письмах

¹²² Sumi 2004, 80.

¹²³ Rigsby 1996, 16.

¹²⁴ Бикерман 1985, 146.

¹²⁵ Sammartano 2008/2009, 137.

¹²⁶ Chaniotis 1995, 149–150.

¹²⁷ Slater, Summa 2006, 281–282.

городов говорится о решении послать феоров на праздник Артемиды Левкофриены и участвовать в жертвоприношении¹²⁸. В постановлении Магнесии на Меандре о культе Зевса Сосиполида среди участников процессии во время жертвоприношения Зевсу наряду с членами герусии, жрецами, архонтами и другими почетными гражданами называются победители на играх в честь Артемиды Левкофриены и «остальные победившие в других агонах стефанитес»¹²⁹, т.е. магнеты, которые получали венки в состязаниях, проводившихся в других полисах.

Такие праздники с агонами «стефантес», как видно из источников, учредили около пятидесяти городов¹³⁰. Из этого можно заключить, что по морским и сухопутным дорогам эллинистического мира регулярно передвигались многочисленные посольства и делегации гостей и участников праздников, связывая «народы и города» невидимыми нитями, образующими своеобразную «мировую паутину». И улицы, и площади городов периодически заполнялись эллинами, прибывшими из соседних общин и далеких краев. Разъезжаясь по домам, они разносили новости, как о знаменитых атлетах, так и о выдающихся поэтах и их произведениях. Об этой объединяющей роли общегреческих праздников с восхищением писал ещё Исократ в речи «Панегирик» (IV, 43): «После совместных обетов и жертвоприношений, мы вспоминаем о родстве, существующем между нами, и сохраняем на будущее более дружественные чувства, укрепляя старые и создавая новые связи взаимного гостеприимства».

Подводя итог, можно сказать, что многочисленные документы из архива Магнесии на Меандре о празднике Артемиды Левкофриены дают возможность составить представление о размахе в III в. до н.э. дипломатической активности полисов, связанной с реорганизацией местных обрядов в праздники общегреческого значения. Анализ надписей показывает, что посольства тщательно готовились: продумывались маршруты, изучались документы и произведения поэтов и историков, чтобы составить письма с убедительной аргументацией. Одним из важнейших в посланиях является довод о родстве и единстве эллинов. Апеллируя к их общему прошлому, посольства одновременно устанавливали или возобновляли дружбу со всеми многочисленными «народами и полисами».

Таким образом, уникальное явление, восходящее ещё к истокам греческой цивилизации, а именно, осознание эллинами себя единым народом, несмотря на географическую рассеянность и политическую раздробленность, в эпоху эллинизма проявилось особенно ярко в проведении панэллинских праздников, фестивалей древности, которые объединяли большие полисы и маленькие общины, союзы племен и столицы монархов. Священные послы – феоры, зрители и участники традиционных греческих состязаний, в том числе мусических агонов, приезжавшие на общие праздники со всех концов эллинистического мира, безусловно, внесли свой вклад в сохранение и распространение единой эллинской культуры на всем пространстве этого мира.

¹²⁸ Rigsby 81, 30–31; 83, 23; 84, 22; 85, 24–35; 95, 30–31; 98, 18–19 и т.д.

¹²⁹ Syll.3 589. 32–41.

¹³⁰ Hammerschmied 2018, 92.

ЛИТЕРАТУРА

- Бикерман, Э. 1985. *Государство Селевкидов*. М.
- Глускина, Л.М. 1977: Асилия эллинистических полисов и Дельфы. *ВДИ* 1, 82–94.
- Лаптева, М.Ю. 2009: *У истоков древнегреческой цивилизации. Иония XI–VI вв. до н.э.* СПб.
- Сизов, С.К. 1989: *Ахейский союз*. М.
- Шарнина, А.Б. 2002: Техниты Диониса. В кн.: Э.Д. Фролов, Е.В. Никитюк, А.В. Петров, А.Б. Шарнина (ред.), *Альтернативные социальные сообщества в античном мире*. СПб., 217–317.
- Шарнина, А.Б. 2017: Дипломатические инструменты в практике предотвращения военных конфликтов в эллинистическую эпоху (асилия). *Метаморфозы истории* 9, 76–92.
- Шарнина, А.Б. 2019: Святилища в системе межполисных связей эллинистической эпохи (святилище Артемиды Левкофриены в Магнесии-на-Меандре). В кн.: В.А. Фядосік (ред.), *Лістападаўскія сустрэчы – XIII: матэрыялы міжнар. навук. выкладчыц.-студэнц. канф. у гонар акад. М.М. Нікольскага і У.М. Перцава*, Мінск, 14–15 лістап. 2019 г. Мінск, 33–36.
- Boesch, P. 1908: *Untersuchung zur Epangelie griechischer Feste*. Berlin.
- Ceccarelli, P. 2018: Diplomatic Protocols in the Hellenistic Period. In: P. Ceccarelli, L. Doering, Th. Fögen, I. Gildenhard (eds.), *Letters and Communities: Studies in the Social-Political Dimensions of Ancient Epistolography*. Oxford, 147–183.
- Chaniotis, A. 1995: Sich selbst feiern? Städtische Feste des Hellenismus im Spannungsfeld von Religion und Politik. In: M. Wörle, P. Zanker (Hrsg.), *Stadt und Bürgerbild im Hellenismus* (Vestigia. Beiträge zur Alten Geschichte 47). München, 147–172.
- Chaniotis, A. 1999: Empfängerformular und Urkundenfälschung: Bemerkungen zum Urkundendossier von Magnesia am Mäander. In: R.G. Khoury (Hrsg.), *Urkunden und Urkundenformulare im klassischen Altertum und in den orientalischen Kulturen*. Heidelberg, 51–69.
- Ebert, J. 1982: Zur Stiftungsurkunde der Leukophryena in Magnesia am Mäander. *Philologus* 126, 198–216.
- Flacelière, R. 1937: *Les Aitolien à Delphes*. Paris.
- Hammerschmied, K. 2018: The Panhellenic Festival of Artemis Leukophryene in Magnesia-On-The-Meander. A Spatial Analysis of a Hellenistic Procession. In: U. Luig (ed.), *Approaching the Sacred. Pilgrimage in historical and intercultural perspective*. Berlin, 91–127.
- Kern, O. 1900: *Die Inschriften von Magnesia am Maeander*. Berlin.
- Kyle, D.G. 1996: *Gifts and Glory. Panathenaic and Other Greek Athletic Prizes*. In: J. Neils (ed.), *Worshipping Athena. Panathenaia and Parthenon*. Wisconsin University, 106–136.
- Nachtergaele, G. 1977: *Les Galates en Grèce et les Sôtéria de Delphes*. Bruxelles.
- Parke, H.W. 1977: *Festivals of the Athenians*. London: Thames and Hudson.
- Rigsby, K. J. 1996: *Asylia: Territorial Inviolability in the Hellenistic World*. Berkeley–Los Angeles–London.
- Sammartano, R. 2008/2009: Magnesia sul Meandro e la “diplomazia della parentela”. *Opuscolo – Ricerche di Storia Antica* 1, 111–139.
- Slater W.J., Summa, D. 2006: Crowns at Magnesia. *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 46, 275–299.
- Sassu, R. 2018: Santuari panellenici: dalla competizione individuale all'autorappresentazione collettiva. *Thiasos* 7.1, 61–81.
- Sumi, G. 2004: Civic Self-representation in the Hellenistic World: The Festival of Artemis Leukophryene in Magnesia-on-the-Maeander. In: S. Bell, G. Davies (eds.), *Games and Festivals in Classical Antiquity*. Oxford, 79–92.
- Thonemann, P. 2007: Magnesia and the Greeks of Asia (I. Magnesia 16.16). *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 47, 151–160.

- Wiemer, H.-U. 2009: Neue Feste – neue Geschichtsbilder? Zur Erinnerungsfunktion städtischer Feste im Hellenismus. In: H.U. Wiemer, H. Beck (eds.), *Feiern und Erinnern. Geschichtsbilder im Spiegel Antiker Feste*. Berlin, 83–108.

REFERENCES

- Bikerman, E. 1985: *Gosudarstvo Selevkidov [Institutions des Seleucides]*. Moscow.
- Boesch, P. Θεωρός. 1908: *Untersuchung zur Epangelie griechischer Feste*. Berlin.
- Ceccarelli, P. 2018: Diplomatic Protocols in the Hellenistic Period. In: P. Ceccarelli, L. Doering, Th. Fögen, I. Gildenhard (eds.), *Letters and Communities: Studies in the Social-Political Dimensions of Ancient Epistolography*. Oxford, 147–183.
- Chaniotis, A. 1995: Sich selbst feiern? Städtische Feste des Hellenismus im Spannungsfeld von Religion und Politik. In: M. Wörle, P. Zanker (Hrsg.), *Stadt und Bürgerbild im Hellenismus* (Vestigia. Beiträge zur Alten Geschichte 47). München, 147–172.
- Chaniotis, A. 1999: Empfängerformular und Urkundenfälschung: Bemerkungen zum Urkundendossier von Magnesia am Mäander. In: R.G. Khoury (Hrsg.), *Urkunden und Urkundenformulare im klassischen Altertum und in den orientalischen Kulturen*. Heidelberg, 51–69.
- Ebert, J. 1982: Zur Stiftungsurkunde der Leukophryena in Magnesia am Mäander. *Philologus* 126, 198–216.
- Flacelière, R. 1937: *Les Aitolies à Delphes*. Paris.
- Gluskina, L.M. 1977: Asyilia ellinisticheskikh polisov i Delfi [Asyilia in Hellenistic Cities and Delphi] *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 82–94.
- Hammerschmied, K. 2018: The Panhellenic Festival of Artemis Leukophryene in Magnesia-On-The-Meander. A Spatial Analysis of a Hellenistic Procession. In: U. Luig (ed.), *Approaching the Sacred. Pilgrimage in historical and intercultural perspective*. Berlin, 91–127.
- Kern, O. 1900: *Die Inschriften von Magnesia am Maeander*. Berlin.
- Kyle, D.G. 1996: *Gifts and Glory. Panathenaic and Other Greek Athletic Prizes*. In: J. Neils (ed.), *Worshipping Athena. Panathenaia and Parthenon*. Wisconsin University, 106–136.
- Lapteva, M.Yu. 2009: *U istokov drevnegrecheskoy tsivilizatsii. Ionia XI–VI vv. do.n.e. [At the origins of the ancient Greek civilization. Ionia in the 11th–6th centuries BC]*. Saint Petersburg.
- Nachtergaele, G. 1977: *Les Galates en Grèce et les Sôtéria de Delphes*. Bruxelles.
- Parke, H.W. 1977: *Festivals of the Athenians*. London.
- Rigsby, K.J. 1996: *Asyilia: Territorial Inviolability in the Hellenistic World*. Berkeley–Los Angeles–London.
- Sammartano, R. 2008/2009: Magnesia sul Meandro e la “diplomazia della parentela”. *Όρμος – Ricerche di Storia Antica* 1, 111–139.
- Slater W.J., Summa, D. 2006: Crowns at Magnesia. *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 46, 275–299.
- Sassu, R. 2018: Santuari panellenici: dalla competizione individuale all’autorappresentazione collettiva. *Thiasos* 7.1, 61–81.
- Sharnina, A.B. 2002: Tekhnity Dionisa [Technitai of Dionysus]. In: E.D. Frolov, Ye.V. Nikityuk, A.V. Petrov, A.B. Sharnina (eds.), *Alternativnyye sotsialnyye soobshchestva v antichnom mire [Alternative Social Associations in the Ancient World]*. Saint Petersburg, 217–317.
- Sharnina, A. 2017: Diplomatische instrumenty v praktike predotvrashcheniya voennykh konfliktov v ellinisticheskuyu epokhu (asyilia) [Diplomatic instruments in practice of prevention of military conflicts in the Hellenistic era (asyilia)]. *Metamorfozy istorii [Metamorphoses of History]* 9, 76–90.
- Sharnina, A. 2019: Syvatilishcha v sisteme mezhpolisnykh svyazey ellinisticheskoy epokhi (Syvatilishche Artemidy Levkofrieny v Magnesii-na-Meandre) [Sanctuaries in the system of interpoleis relations of the Hellenistic era (Sanctuary of Artemis Leucophryene in Magnesia-on-the-Maeander)]. In: V.A. Fyadosik (ed.), *Listapadayskiya systrechy – XIII: materyaly*

- mizhnar. navuk. vykladchyts. students. kanf. u gonar akad. M.M. Nikol'skaga i Y.M. Pert-sava. Minsk, 14–15 listapad. 2019 [November meetings – XIII: materials of the International Research Conference in Honor of Acad. M.M. Nikolsky and V.M. Pertsev Minsk, 14–15 November 2019]. Minsk, 33–36.*
- Sizov, S.K. 1989: *Akheyskiy soyuz [Achaean Union]*. Moscow.
- Sumi, G. 2004: Civic Self-Representation in the Hellenistic World: The Festival of Artemis Leucophryene in Magnesia-on-the-Maeander. In: S. Bell, G. Davies (eds.), *Games and Festivals in Classical Antiquity*. Oxford, 79–92.
- Thonemann, P. 2007: Magnesia and the Greeks of Asia (I.Magnesia 16.16). *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 47, 151–160.
- Wiemer H.-U. 2009: Neue Feste–neue Geschitsbilder? Zur Erinnerungsfunktion städtischer Feste im Hellenismus. In: H.-U. Wiemer, H. Beck (ed.), *Feiern und Erinnern. Geschitsbilder im Spiegel Antiker Feste*. Berlin, 83–108.

PANHELLENIC FESTIVALS IN THE DIPLOMACY OF HELLENISTIC POLEIS (MAGNESIA ON THE-MAEANDER)

Ariadna B. Sharnina

Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia
ariadna@setname.com

Abstract. The article examines the diplomacy of poleis in the 3rd century BC, using Panhellenic festivals to strengthen ties between Greek communities. An example is Magnesia on the Meander, which turned the rite in the Sanctuary of Artemis Leucophryene into the All-Greek festival with “stephanites” competitions, equal to the Pythian Games in Delphi, declaring the asyilia (inviolability) of the city and its chora. The large corpus of Magnesia inscriptions allows one tracing the routes of the embassies sent by the Magnesians to all corners of the Hellenistic world, and reconstructing the arguments of the ambassadors who persuaded the poleis and unions of Greek tribes to recognize their festival and the asyilia of the city and its chora. An analysis of the inscriptions demonstrates that the embassies were carefully prepared. Routes were thought out, documents and works of poets and historians were studied in order to compose letters with convincing arguments.

An important feature of this activity of Magnesia on the Meander is that it is carried out, at least externally, completely independently of the rulers. The Magnesians direct embassies to “kings, poleis and peoples”, ignoring the boundaries of kingdoms. Similar embassies with invitations to the Festival, and reciprocal embassies, connected the Hellenes with invisible threads, wherever they lived. Such a unique phenomenon, characteristic of the Greek civilization since ancient times, as the preservation of the unity of the Hellenes, despite their geographical scattering and political fragmentation, in the era of Hellenism manifested itself especially clearly during the organization of Panhellenic festivals. Along with athletic and equestrian competitions, the organization of musical and poetic competitions also contributed to the preservation and spreading of the Greek culture throughout the Mediterranean.

Keywords: Hellenism, Magnesia on the Meander, the Sanctuary of Artemis Leucophryene, asyilia, Delphi, Panhellenic festivals, theoria